

Александр Вергелис
Поближе к сирени

Книга шестьдесят седьмая

Москва, 2023

УДК 821.161.1-1 Вергелис
ББК 84(2Рос=Рус)6
В

Александр Вергелис. Поближе к сирени

Книга стихотворений — Москва: издательство СТиХИ, 2023. — 56 с.,
ил. — Серия «Сингл» (The Single). Книга шестьдесят шестая. —
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

ISBN

!!!!!!

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества
очевидными

- © Александр Вергелис, текст, 2023
- © Издательство СТиХИ, 2023
- © Алла Поспелова, составление, 2023
- © Арсений Ли, дизайн серии, 2020
- © Дизайн-бюро «Револьверарт», 2023

* * *

Поближе к сирени, поближе
к листве, где свистят соловьи,
к черемухе этой, бесстыже
раскинувшей кисти свои, —
так, чтобы лицо утонуло
в надушенных их кружевах...
Подальше от гуда и гула,
поближе к табличкам Катулла —
к паросскому мрамору — ах,
к старинным, с истресканным глянцем,
поблекшим в своём далеке
живым флорентийцам, голландцам,
к Венере и Флоре в венке.
Поближе бы к синему морю,
мизинец хотя б окунуть!
Да, всё это рядом, не спорю,
но всё же — поближе б чуть-чуть.
К Тебе бы поближе — о, дай же
лицо мне увидеть Твое!
И только от смерти подальше.
А, впрочем, куда без неё?

* * *

С дочкою впервые в Эрмитаж.
Давка вавилонская внутри.
С этажа за ручку на этаж
водишь и невольноходишь в раж:
— Посмотри на это! Посмотри!
Саркофаги, мумия жреца.
Занесло нас... — Пап, а он живой?
— Да, пожалуй... Но не до конца...
Дядя спит, не разбуди его.
Поскорей бы в следующий зал!
— Почему у тётки нету рук?
— Да не трогай, я тебе сказал!
Грызла ногти... Я шучу, мой друг.
— Егоза, куда ты? Да куда ж...
— Папа, там павлин, скорей ко мне!
Это счастье — с дочкой в Эрмитаж,
где Нева с корабликом в окне.
Посмотри сюда. Теперь сюда.
У креста печалится народ.
— Дядя умер, да? — Пожалуй, да...
Но не плачь, не плачь, не навсегда!
Он проснётся, встанет и пойдёт.

* * *

Апостол станет у ворот:
 «Сюда пожалуйте!»
 Кто от чего из нас умрет,
 а я — от жалости.
 В конце, положим, октября,
 допустим, вечером.
 Уж слишком, честно говоря,
 очеловеченным,
 мир попрошайкой-хитрецом
 в пальто заплатадном
 опять прильнёт ко мне лицом
 своим заплаканным.
 Он до печёнок проберёт
 дождишком-нытиком.
 И голый куст меня добьёт
 последним листиком.
 Дымят прощальные костры
 в осенней свежести.
 Кто умирает от хандры,
 а я — от нежности.
 На свете мало ли смертей —
 любого облика.
 А я не соберу костей,
 упавши с облака.

* * *

Случается, проснёшься среди ночи,
 сиянием, увиденным во сне,
 разбужен — будто Богу глянул в очи.
 И вот в слезах лежишь на простыне.

И до утра, пока не тронет солнце
 твой влажный лоб внимательным лучом,
 не знаешь ты, чего тебе неймётся,
 о чём ты плачешь, думаешь о чём.

О том, что не готов был к этой встрече
 и никогда готов не будешь к ней,
 ты в сумерках вздыхаешь, человеке.
 А свет ночной чем дальше, тем бледней.

Ты погоди — придёт к тебе на помощь
 дневная правда, юркая, как мышь.
 Лови её — и ничего не вспомнишь.
 Беги за ней — и всё себе простишь.

* * *

Ты посмотри, какие платья
 видны в витрине магазина!
 Одно из них, рискну сказать я,
 надеть могла бы Прозерпина,
 покинув ад, полуслепая,
 ещё страшась дневного света,
 но всё уверенней ступая
 по плитам Невского проспекта,
 скользя ступнёю неокрепшей
 с озябшею фиалкой нежной,
 по Карповке обледеневшей
 и по заснеженной Манежной.
 Но, испещрённая следами
 её истоптанных сандалий,
 зима навалится снегами,
 вернется вновь — не навсегда ли?
 И это платье примеряя,
 случайно выронишь слова ты:
 «Что нет зиме конца и края,
 и мы немного виноваты».

* * *

В электричке вечерней,
 приникая к окну,
 безымянный, ничейный,
 я спокойно усну.
 Ровно тронется, дрогнув,
 и покатит вагон
 вдоль перронов, подробных,
 как мой медленный сон,
 мимо Пулков, мимо
 Дудергофских высот...
 И со мною незримо
 тень твоя поплывет
 по сиреновой дымке,
 где осока и сныть,
 где тебе, невидимке,
 так привольно скользить,
 где серебряной птичкой
 самолёт в вышине...
 Я усну в электричке
 и заплачу во сне.

* * *

Давай поговорим о пустяках,
почешем языками — трали-вали,
и вспомним невзначай, как в Озерках
мы озеро переплывали.

Неторопливым брассом в тишине
глазами к солнцу, падавшему в воду.
И голос твой имел, казалось мне,
с водой и солнцем общую природу.

По золотой дорожке он скользил,
и, легкости дыхания не теряя,
смеялась ты, и мир что было сил
хотел казаться чем-то вроде рая.

Там был Адам восторжен и несмел,
у Евы — чёлка падала косая
на бровь, и он всё вздрагивал и млеял
от каждого случайного касанья.

Перевернувшись на спину, тела
расслабив, в небо белое глядели —
как в потолок из влажного тепла
усталостью наполненной постели...

Полжизни утекло с тех пор, когда
я изнемог от нежности и жажды,
но губы мне ещё горчит вода,
в которую не входят дважды.

* * *

Голубиным гуртом у стекляшки метро собрались,
неуклюже острят, на прохожих глядят диковато,
на тебя, кстати, тоже: в потоке нахмуренных лиц,
обтекающем их, ты опять уплываешь куда-то.

У широких ворот, как сказал бы иной рифмоплет,
эти дети стоят, каждый мыслью о будущем занят.
Жизнь кого-то обидит, кого-то, возможно, убьёт
раньше срока и всех, обязательно всех вас обманет!

Это правда: обманет. Она вообще состоит
из напрасных надежд, ярких фантиков, пыли и фальши.
Ты бы мог рассказать им, приняв подобающий вид,
только с правдой своей ты иди-ка, прохожий, подальше.

Потому что есть что-то ещё... Четверть века назад
отмотай — и увидишь, подавишься собственной фразой:
так же возле метро, улыбаясь чему-то, стоят,
и один из них — ты, не поверишь, вон тот, долговязый.

* * *

Не всё ли человечество (замечу,
в его антично-полуголом виде)
в июльскую жару увидишь сразу
в истоптанных и пыльных Озерках?
Вот из воды идёт тебе навстречу,
как воплощенный миф о nereide,
красавица в купальнике и стразах,
жемчужно улыбается, но — ах...
Проходит сквозь тебя, поскольку призрак
твой, а не ты при этом ярком свете
ей встретился. Без крови и без кожи.
К чему теперь тебе чужая плоть!
Ты для неё невидим — верный признак
пусть маленькой, но настоящей смерти.
Нет, весь ещё не умер ты, а всё же
чужой зрачок уж нечем уколоть.
Ты опоздал на празднество, разиня!
Так наслаждайся зреньем без корысти.
Гляди на этот мир без вождельня,
без ревности, надежды, от любви
не умирая. Только Мнемозине
будь верен до конца. Цветы и листья
в ее владеньях убегают тленья,
хоть рви их на прощанье, хоть не рви.

Зоологический музей

Зоологический музей,
собрание костей и мумий,
мои сомнения развеи,
что демиурга нет безумней,

чем наш. А кто б ещё вот так
полмиллиарда лет вручную
кита немислимый костяк
вытачивал, и моль мучную

вычерчивал, прищурив глаз,
кроил ей крылышки, не в силах
остановиться. Вот и нас,
таких смешных и некрасивых

в сравненье с бабочкой, хотя —
в сравненье с мамонтом, пожалуй...
Он нас выдумывал шутя,
увлекшись этой мыслью шалой,

или всерьёз он видел прок
в пещерных Еве и Адаме, —
чтоб восхититься кто-то мог
его напрасными трудами?

* * *

Хорошо однажды утром просто сесть на электричку,
на скрипучее сиденье, развалиться и зевнуть
и придвинуться к окошку, чтобы в нём увидеть птичку
и берёзку, и осинку, и ещё чего-нибудь.

Хорошо под гул вагонный, хорошо под перестуки,
хорошо под перестуки разбежавшихся колёс
предаваться нежной грусти, предаваться лёгкой скуке
и желанной остановки ждать, почёсывая нос.

...и когда войдёт и скажет, в твой вагон войдёт и скажет
некто странный, некто серый, непохожий на тебя,
скажет он, куда ты едешь, спросит он, зачем ты едешь,
знаешь ты, где остановка настоящая твоя...

И не зная, что ответить, ты билет ему покажешь.
И не зная, что подумать, поглядишь по сторонам.

И тогда ты не увидишь ни людей, ни их поклажи —
только ветер по вагону и колёса: там-татам.

И в окне ты не увидишь ни березки, ни перрона,
кроме зыбкого ночного отраженья своего.

Даже ворон, чёрный ворон не влетит в нутро вагона,
не усядется напротив и не каркнет ничего.

* * *

А. Р.

Третий день ты лежишь, как вещь,
в темноте затаясь, как лец
подо льдом в января норе,
как личинка жучка в коре.

Третий день как перстом тебе
провели по устам — ни бе
и ни ме ты теперь, старик.
Леденец тебе на язык.

Что там слышно в твоих смешных
мёрзлых раковинах ушных?
Не шумит ли морская даль?
Не гудит ли паром? Едва ль

нас покличут с тобой на борт —
потому что не первый сорт
были наши слова, дела,
потому что земля бела,

как бумага, и неба твердь.
Потому что январь и смерть
постарались вдвоём, чтоб чист
оставался последний лист.

Ты пока полежи, а я
до весны дотяну, снуя,
как челнок, между строк и впрок
сочиняя простой стишок,

где сидишь ты на бережке
со стаканом вина в руке
и бормочет у ног прибой
ненаписанное тобой.

* * *

В том ночном, последнем разговоре,
 перед тем как выйти за порог,
 что припомню? Детство, юность, море.
 А ещё — ту девушку без ног

на Литейном. Резвая такая,
 в зарослях чулок и брючных пар
 мчится, деревяшкою толкая
 наш заасфальтированный шар.

Как в кино про быт послевоенный,
 если абстрагироваться от
 мелочей. И нет во всей Вселенной
 никого, кто чашу пронесёт

мимо, поменяет чёт и нечет,
 выправит судьбу на раз-два-три.
 Едет, по мобильному щебечет
 и смеется даже, посмотри.

* * *

Ты, чьё имя ледяная бездна,
 снова прячешь в рукаве туза:
 то весну предложишь мне любезно,
 то платок набросишь на глаза.
 Кружевной батистовый платочек!
 Взмах, и я не помню ничего,
 как сознание потерявший лётчик
 в склянке самолёта своего,
 невзначай сорвавшегося в штопор
 там, где, неизменно голубой,
 неба холст разорван и заштопан
 белой ниткой, сделанной тобой
 из пустого воздуха. Богиня,
 для чего вся эта маета?
 Что молчишь, затейница, чьё имя
 ледяная бездна, пустота?
 От меня чего, чего ты хочешь?
 Почему, опять раскинув сеть,
 не даёшь среди великой ночи
 от разрыва сердца умереть?

* * *

В восемь вечера, шагом степенным —
 окончания службы ввиду
 поднимается он по ступеням,
 вынимая ключи на ходу,
 в предвкушении чая с конфетой,
 телевизора et cetera...
 Он сегодня по лестнице этой
 уходил на работу с утра.
 И весь день проведя на работе
 в несомненно полезном труде,
 вдруг он слышит: «Вы здесь не живёте!
 И вообще не живёте нигде.
 Мы прощения просим покорно,
 но сегодня в полпервого вас
 из конторы забрали на скорой.
 В холодке вы лежите сейчас.
 И в зевоте конфетные губки
 прикрывая ладошкой, сестра
 бесполезные склянки и трубки
 убирает с пустого одра».
 «Что за глупости, честное слово! —
 возражает решительно он. —
 Мне на службу вставить в полшестого!

Я на должность вчера утверждён!»
 И, уверенно к двери шагая,
 он проходит бестрепетно сквозь
 и беззвучно зовёт: «Дорогая,
 тут со мною такое стряслось!»
 И, невидим, садится за ужин
 там, где тени с тенями слились, —
 членом общества, правильным мужем, —
 чтобы утром по лестнице вниз
 шаг за шагом, не зная иного,
 с чернотой могильной во рту
 погружаться уверенно снова
 в обжитую свою пустоту.

* * *

Все, кто был до меня в многожужней твоей темноте,
там навеки остались, тенями теснимые тени.
Эти смотрят с надеждой, с брезгливой ухмылочкой те —
торгаши, адвокаты, менты и поэт-неврастеник.

В залетейской глуши обретя вековое жильё,
так и рвутся наружу, не ценят спасительной сени.
И, кладя на живот оглушенное ухо свое,
будто слышу я их голоса, их напрасные пени...

И когда я оставлю тебя и твой город отдам
на поток декабрю, на распыл наступающей вьюге,
и когда я забуду тебя и усну где-то там,
у какой-то другой нежены, несестры, неподруги,

я увижу во сне твой вечерний наряд без затей,
дрожь летучих ресниц, крылышкующих к вечному маю.
И ещё я увижу, как чья-то печальная тень
тихо бродит во тьме, и себя в этой тени узнаю.

* * *

Постой, мы рассуждаем, словно дети!
Откуда эти мысли, старина?
Когда умрём, узнаем всё на свете,
увидим все пространства, времена...

Зачем себя ты тешишь этим вздором,
зачем опять себе рисуешь ты
жизнь после жизни — тихим разговором
с Платоном без житейской суеты,

на равных, или с Дюрером, к примеру,
в сиянии нескончаемого дня...
Кто верует, блажен, но эту веру
держи, мой друг, подальше от меня.

В твоих устах она — дурная шутка,
где фея Смерть, имея важный вид,
беспомощную куколку рассудка
в цветастую летунью превратит.

Скорей наоборот — она прикажет,
и бабочка души твоей вот-вот,
как мумия спелёнутая, ляжет,
первоначальный вид себе вернёт

среди травы осенней онемелой,
 где полуспя, шуршат иные те,
 подножным прахом и листвою прелой
 укрытые в предвечной слепоте.

Белая ночь

Как хорошо, что жизнь не повторится!
 Вообрази — всё заново опять,
 за шагом шаг, страницу за страницей,
 как второгодник, будешь повторять.
 Все ссадины и шишки, все больницы,
 все глупости (забыть бы их, замять!)
 Жить вечно — это значит, дорогая,
 остаться на продленку и сидеть,
 глаголы надоевшие спрягая:
 зависеть, ненавидеть и терпеть...
 Коль жизнь начнется новая, другая —
 что делать с этой? Гнать? Держать? Вертеть
 её в руках, как ту окаменелость? —
 оставить жаль и взять с собой невмочь.
 Чтобы родиться вновь, какая смелость
 нужна! Пожалуй, только б эту ночь
 я повторил. Как небо покраснелось
 над соснами — как ты тогда, точь-в-точь.
 Как жаль, что ничего не повторится —
 ни завтра, ни когда-нибудь потом.
 Беги ко мне, сестра моя, сестрица,
 хватая задыхающимся ртом
 отпущенный нам воздух, всё, что снится
 нам в сумерках с сиреневым кустом.

* * *

Вниз по речке, что зовется Суйда,
 на простом каком-нибудь челне
 поплывём когда-нибудь отсюда
 в утренней молочной тишине.
 Поплывём, течениюверяя
 весь запас подаренных нам дней,
 чтобы время без конца и края
 разливалось за спиной твоей
 по лугам некошеным и чащам,
 чтобы знать уже наверняка:
 счастье — жить текущим, настоящим,
 как трава, и небо, и река,
 что бежит, туманами объята,
 на восход, петляя, на закат.
 Ничего, что русло узковато
 и челнок немного тесноват.
 Ничего, что много от начала
 утекло воды, — вода не в счет.
 Ничего, что жить осталось мало:
 жизнь проходит, а река течёт.

* * *

Цикады тысячью трещоток
 проводят нас на самолёт.
 Я обернусь: когда ещё так
 мы будем счастливы? Вот-вот
 исчезнет розовое море
 за той вершиной голубой,
 мелькнут огни шоссе, и вскоре
 мы станем прежними с тобой —
 немного нервными, немного
 разочарованными. Что ж...

Запомни это ради бога:
 цикады, сумерки, дорога,
 и мир на выдумку похож.

* * *

Посмотри, как легко свой бессмысленный свет
нам погибшая дарит звезда.
Будет вечер, я выйду купить сигарет
и уже не вернусь никогда.

Кто-то скажет, что видел меня через год
в чебуречной на станции «Ч»:
бородатый, с шарманкой — стоит и поет,
и сидит попугай на плече.

Кто-то станет божиться, что встретил меня
на восточном базаре, что я —
площадной акробат и глотатель огня,
и в мешке моём дремлет змея.

И кому-то Сибири приснятся леса,
а кому-то — полярные льды.
Посмотри, как на травы ложится роса:
это я заметаю следы.

Это я говорю, припадая к снегам,
затаясь у последней межи:
ты опутай меня по рукам и ногам,
ты как хочешь меня удержи.

СТИХИ
• Издательство •

* * *

Будет вечер: ты выйдешь из бара,
чуть качаясь, домой побредёшь
и — замрёшь, посреди тротуара,
под ногами почувствовав дрожь.

Это землетрясение — трезвея,
ты решишь, ощущая плюсной
шевеленье громадного змея,
заключенного в тверди земной.

Нет, не в спазмах подземного ада
будет дело, не в трении плит.
Ты поймешь: это века громада
накренилась и в бездну скользит,

это кто-то занялся утруской
накопившегося барахла —
чтоб на дно вместе с пылью этрусской
наша персть раньше срока легла.

Потому что нет разницы между
этим веком (всё тот же кошмар!)
и другими. Оставь же надежду,
всяк ступающий на тротуар.

* * *

Да, я за всё отвечу, за всё отвечу —
и за бойца, становящегося травой,
и за того, взлетавшего мне навстречу
и о стекло разбившегося ветровое

глупого голубя. Кто назовет причину?
Ехал ведь медленно, крался, как говорится.
Ах, почему ты выбрал мою машину,
горе пернатое, голубь-самоубийца!

Остановился, вышел, с асфальта поднял,
тёплую грудку к уху прижал: ни звука.
И опустил в траву городскую подле
полупустого, сонного виадука.

Ныне у нас война: колесницы, кони
кровь с чернозёмом месят стальным копытом...
Мне бы забыть, но кто-то всё шепчет: «Помни
о сизаре, тобой на заре убитом».

* * *

Мы географию учили
по откровениям газетным
и знали, например, о Чили
поболее, чем о соседнем

райцентре, и, скользя по карте
перстом и ерзая на стуле,
всё ахали мы о Джакарте,
Бейруте, Косово, Кабуле.

Ещё листался школьный атлас,
а небо наливалось бронзой,
и в наших прописях писалось:
Степанакерт, Бендеры, Грозный.

О географии начальник!
Незнание нам теперь желанней.
Не дли сей перечень печальных
огнём написанных названий.

Но заполняются пробелы.
И, расширяя кругозоры,
в экраны смотрят оробело
мечтатели и фантазеры,

надеясь, что не будет боли,
не будет голода и страха.
Но вот опять зубрим, как в школе:
Славянск, Дружковка, Волноваха...

* * *

Не надейся уже отсидеться,
убережь суетливый покой.
Сорокапятилетнее детство
на прощание машет рукой,

по багровой реке уплывая,
уходя вместе с дымом в зенит.
Лишь в ушах ещё полуживая
глуповатая песня звенит.

Тихий сад из прочитанных книжек,
из надежд и ребяческих снов
новый день огнедышащий выжжет
до земли, до гранитных основ.

И стоишь ты один сиротливо,
а вокруг — человеческий лес
так нестройно шумит и тоскливо
в ожидании страшных чудес.

* * *

Настало время жить в Истории,
в большом чертоге неуютном,
где вьются ангелы, которые
уж тихих песен не спюют нам.

Они трубят, трубят без устали,
им неповадно бить баклуши:
их сонмища тысячеустые
вдувают ужас в наши уши.

Забудь наш тихий кров, сестра моя,
забудь наш сад благословенный.
Вот эта сумрачная храмина —
теперь наш дом во всей Вселенной.

Здесь негде преклонить нам голову,
здесь этажам конца не видно.
Здесь человеку, будто голому,
всегда и холодно и стыдно.

И, как ни бейся, не получится
здесь обустроить уголок нам...
Но Богоматерь Троеручица
прильнёт к высоким этим окнам

и скажет нам: «Утрите слёзы вы,
хвалите Бога, что проснулись!
Вы свой мираж забыли розовый
и наконец домой вернулись».

* * *

Словно пчёлы в промасленных сотах,
чья-то смерти таятся во мгле.
Сколько ваших и наших двухсотых
ещё ходят по этой земле?

Эта цинком богатая почва
и всё то, что на ней проросло,
этот воздух, разорванный в клочья,
эта боль — все имеет число.

Все расчислено, в горних укромых
каждый залп, каждый выстрел учтён,
каждый взрыв, словно куст, каждый промах,
каждый крик, каждый хрип, каждый стон.

Сколько их, сколько ближних и дальних
примирит этот огненный град?
Что там ангел орёт в матюгальник
с головой, запрокинутой в ад?

* * *

Ты постарел на десять лет —
сказала мне жена.
Пойди умойся, съешь омлет,
налей себе вина.

Но нет, кусок не лезет в рот,
такой в башке сумбур...
Приятель вечером зайдёт,
он тоже будет хмур.

Трепаться долго будем с ним,
да только не о том.
Потом на время замолчим,
ну а потом, потом,

в дверях, уже надев пальто
и глядя мне в глаза,
меня он спросит, ну так что —
ты против или за?

Определяйся — да иль нет.
Глядит, пытливым черт.
И я отвечу. Мой ответ
не будет, впрочем, твёрд.

Другой знакомый забежит:
ну как дела, старик?
И оценив мой бледный вид,
в миг перейдёт на крик:

Ты помнишь город Киев, брат,
в тринадцатом году?
Какой, скажи на милость, гад
устроил ту байду?

Где был ты со своей хандрой
все эти восемь лет?
Вопрос повиснет надо мной,
согнется буквой «Z».

А где-то там, пока мы тут
обиды копим впрок,
леса могильные растут
на запад, на восток.

А где-то там, среди беды
и мирового льда
цветут Истории сады,
не ведая стыда.

* * *

— Ложиться спать? Но разве день растаял?
 За окнами ни капли не стемнело.
 Вот мы рисуем, свет не зажигая,
 и куклы наши, ты послушай, папа,
 капризничают, с ними мы не сладим,
 пока им ночь не ляжет на глаза.

— Ну вот ещё придумали, а ну-ка...
 Десятый час, а вы ещё не спите!
 Как будто вы не знаете, что север,
 где мы живем, весной обилён светом!
 Настал апрель, вот ночь и побелела,
 и вечер ото дня не отличить.

А где-то там, на юге, в это время
 уже темным-темно, и дети сами
 свои глаза послушно закрывают,
 родителям ничуть не прекослова.
 Смотрите: я задёргиваю шторы,
 и сумерки по комнате плывут,

как если бы зима назад вернулась
 и снежным одеялом вас укрыла.
 А где-то там на юге, уж наверно,
 всё зелено давно, цветы повсюду,
 пусть вам они приснятся, спите, спите...
 Другие дети спят уже давно.

Другие дети, города другие,
 другие времена, другое небо...
 Какие сны нам всем ещё приснятся?
 Настала ночь.

...А где-то там, на юге
 других детей землёю укрывают,
 и бродим в темноте среди развалин
 другие мы, сошедшие с ума.

* * *

Моей несуществующей сестре,
 под утро мне приснившейся сегодня,
 я говорил, не сдерживая слез:
 «Ты знаешь, как на маму ты похожа
 и как тебя люблю я...» Но она,
 с тревогой озираясь, без ответа
 слова мои оставила. Когда бы...

Наверное, когда бы не во сне,
 а наяву она существовала,
 я не сказал бы этого, поскольку
 сплошной стеной стояли бы меж нами
 обиды, ревность, что-нибудь ещё...

Да и во сне всё было будто в жизни:
 она меня не слушала, искала
 глазами что-то иль кого-то. После —
 в глаза мои с упреком поглядела
 и молча отвернулась. Я проснулся,
 побрел на кухню. Где-то шла война...

О если бы я мог назад вернуться —
 ещё чуть-чуть единственную встречу
 продлить, сказать ей... Только сон и явь
 в тот смутный час навеки разминутись,
 как два случайных путника в пустыне,
 как две планеты в мировой ночи.

* * *

Читая про Гражданскую войну,
ты часто удивлялся: ну и ну,
как это получилось, в чём причина
ожесточенья родственных сердец?
Олейникова собственный отец
казнить собрался, перед этим сына

кромсали шомполами до костей...
Тургеневский вопрос отцов-детей
решался просто в этой перепалке.
С друзьями детства — та же простота.
Попался? Становись-ка у куста.
Или беги, сыграем в догонялки.

Читая комментарии в Сетях,
стал больше понимать я и в страстях,
и в ненависти, губящей живое.
И в дружбе, становящейся трухой,
когда высокопарной чепухой,
по клавишам стуча, исходят двое.

И кажется, завертится вот-вот
Земля обратно, и звезда падёт,
исчезнет небо в копоти пожарищ,
вернётся год, тот самый чёрный год,
и вас, поручик, вывести в расход
прикажет гимназический товарищ.

* * *

Всё как-то сразу вышло в ноль,
всё потеряло смысл:
и звуки до-ре-ми-фа-соль,
и жар холодных числ.

Уж не живёшь, как жил — слегка
валяя дурака.
И лайкнуть котика в «ВК»
не тянется рука.

Идёшь со службы ли домой,
зайдешь в универсам —
повсюду бродишь сам не свой
и сам уже не сам.

Знакомца встретишь — удручен,
твердит: «Весь мир — дурдом».
И невозможно ни о чём
поговорить другом.

Ещё он скажет: «Мы больны»
и вдруг добавит: «Да,
год искалеченной весны
не минет никогда».

Вольно́ ему (ведь он поэт)
туманно говорить,
а я скажу: «Хоть смысла нет,
всё ж как-то надо жить».

Бывает так: всему конец,
бессмыслица, тоска.
А смысл — он тут как тут, подлец, —
глядит из тушика.

* * *

Я проснулся и понял: мне всё приснилось.
 Я в постели жаркой лежал и плакал.
 Облегченье какое! Какая милость
 мне дарована свыше! Луч света на пол

осторожно ступил, край ковра нашарил.
 Он меня застал в просветленье мудром:
 для того и снятся порой кошмары,
 чтоб душа в слезах очищалась утром.

Для того и слышал во сне я рокот
 (видно, где-то гвоздь забивали в стену),
 для того и снился мне мёртвый город,
 чтобы скучной жизни узнал я цену.

Луч скользил всё дальше, а мысли — выше,
 будто ангел с неба мне улынулся.
 Я надел халат, на веранду вышел.
 И в тот самый миг наяву проснулся.

* * *

Мне зайти бы сейчас на Фонтанке
 в тот маленький скверик,
 где когда-то бывал. Там всё будет как раньше пускай:
 барбарис обступает чету деревянных скамеек,
 и сирень набегаёт волною, что твой Хокусай.

Там столетье почти голубиная длится сиеста,
 дольше века герань зеленеет в овальном окне.
 Только где он, тот сквер? Не припомню я точное место...
 Может, нет его вовсе, приснился он попросту мне?

Как бы ни было, мне бы чуть-чуть там побыть одиноко
 —
 опьяненный сиренью, на старой скамье посижу...
 Да увы, невозможно никак: я далёко-далёко,
 у раскисшей дороги в снегу, остывая, лежу.

Но мне снится не снег и не кровь, не о будущей тризне
 коченеющий мозг мне последнее крутит кино,
 а густая мне снится сирень из непрожитой жизни
 в дивном городе, где даже ночью не будет темно.

* * *

Боже, зачем Ты придумал меня?
Зачем Тебе нужен я?
Прячется в тень на исходе дня
робкая тень моя.

Ходит за стенкой сосед-молчун,
тоже не спит ночей.
Ты мне ответь, я понять хочу:
он-то Тебе зачем?

Хмуришься, общей виной тесним,
бродишь по небесам...
Что теперь делать со мной и с ним,
видно, не знаешь Сам.

* * *

И листопада золото, и падаль
тысячелетий, и нектар, и яд —
Бог сохраняет всё. Вот только надо ль?
Как лампочки на сервере, плеяд

соцветия мерцают, не пустая
Вселенная глядит в нас с высоты.
Пожалуй, кое-что бы я оставил
из детства, но не далее. А ты?

Конечно, очи-ночи, Санта-Кроче
и проч., и проч., но сколько шелухи!
О, если только можно, Авва Отче,
отформатируй память! И стихи

(куда их столько!) — тоже, не жалея...
Как у листвы, у них короткий век:
прошелестят, и — Лета, Лорелея —
белым-бело, как будто выпал снег.

Сентиментальное

Сегодня ты не в силах, завтра — я.
Я — здесь, ты — там, над бездной голубою.
Когда же по душам, душа моя,
без суеты поговорим с тобою?

О чём-нибудь. О том, как я устал,
о том, что гаснут фонари и нимбы.
Скажи, где тот магический кристалл,
что вне пространства нас соединил бы?

Но только смерть без суеты живёт,
не думает о сроках, о кредитах,
на светские условности плюёт
и не предупреждает о визитах.

Свободой дышит только смерть — она
берёт, что хочет, делает, что мило.
Воркует: наткала бы полотна,
весь мир крещённый саваном накрыла!

И ведь накроет, погрузит во мрак,
всю землю превратит в каменоломню.
А я с тобой, душа моя, никак
не встречусь. Как ты выглядишь, не вспомню.

А мне бы посмотреть в последний раз
в глаза твои поглядкой близорукой,
и, всё забыв, что разделяло нас,
проститься перед вечною разлукой.

* * *

В Таврическом саду такая благодать!
Здесь каждый изберёт занятие по душе:
под деревом сидеть, с собачкою играть,
в кофейне куковать с каким-нибудь буше.

Не спрашивай, за что нам этот вечер дан,
люби его тепло, безветрие, покой
и ровную дугу, что описал волан,
отправленный в полёт влюблённую рукой,

тяжёлую сирень, что с облаком в родстве,
подстриженных полян зелёное сукно,
лодыжки чаровниц, чей фитнес на траве —
для шаловливых глаз бесплатное кино.

Закрывшийся бутон такой имеет вид,
как будто в кулачке хранит чужой секрет.
И тополиный пух так медленно летит,
как будто снег идёт, как будто смерти нет.

* * *

Когда я буду вычеркнут из списков
в моей родства не помнящей стране,
когда, меня в объятиях истискав,
подруга-жизнь забудет обо мне,

когда держать хребет устанет гордость,
остынет кровь, ты — чудный и чудной,
чарующий, знакомый с детства голос, —
лишь ты один останешься со мной.

Я вспомню, одинокий и неприкаян,
как ты на мой, едва ли внятный, зов
летел ко мне от городских окраин,
безлюдных роц и голубых холмов.

А в той стране, где сумрачно и голо
и где, однажды очутившись, я,
уж верно, не услышу ни глагола
времен, ни копошенья муравья...

О даже там, над сухостойной чащей
теней, опять возникнешь ты, звеня,
неведомо кому принадлежащий,
но, несомненно, любящий меня.

Александр !!!! Вергелис

«Поближе к сирени»

Серия «Сингл» (The Single). Книга шестьдесят седьмая.
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

stihi.store

revolverart.ru

 izdatelstvo_stihi

Подпишитесь

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли

Главный редактор: Алла Пospelова

Директор фестивальных программ: Кристина Валюкевичюте

Концепт-директор: Андрей Пермяков

Автор концепции и названия: Роман Рубанов

Вёрстка: Роман Шишкин

Корректор: Кира Казарина

Логистика: Георгий Цедилкин

Бумага офсетная

Гарнитура Trivia

Тираж 2000 экз.

Издательство СТиХИ, Москва

141705, Россия, Мытищинский р-н,

с. Виноградово, пер. Ручейный, 17А

тел.: +7 (926) 221 1816

почта: lee@revolverart.ru